

Ся Цинлу вышел из комнаты с оцепеневшим взглядом и тяжёлой походкой, будто только что пережил сокрушительный удар.

Дверь напротив — в кабинет — уже была открыта. Из кухни доносились звуки жарки в сковороде и аппетитные ароматы, которые на мгновение разогнали тучи недоверия и абсурда, нависшие над его сердцем, заменив их тёплым, домашним уютом.

Он провёл ладонью по лицу, заставил опустившиеся уголки губ приподняться и, стараясь говорить весело, вошёл на кухню:

— Дай-ка посмотрю, что сегодня вкусенького готовишь?

У плиты стоял мужчина в очках с небольшими диоптриями: белокожий, мягкий на вид. Он ловко помешивал содержимое сковороды, ловким движением запястья добавляя щепотку соли.

Услышав голос, он обернулся и улыбнулся Ся Цинлу:

— Перец чили с ананасом и курицей.

Ся Цинлу резко остановился:

— Сегодня едим перец чили?!

Он не сдавался и заглянул в сковороду:

— Почему именно сегодня перец чили?

Ся Цинлу терпеть не мог перец чили — настолько сильно, что все близкие люди знали об этом и старались никогда не подавать его за столом.

Ся Тин выключил огонь и снял сковороду с плиты:

— После вчерашнего перебора голова, наверное, раскалывается?

Выражение лица Ся Цинлу мгновенно окаменело.

Ся Тин повернулся к нему с улыбкой:

— Съешь немного перца чили — освежишь мозги.

«Чу Ваннань! Так это ты донёс!»

Пока Ся Тин занимался другими блюдами, Ся Цинлу достал телефон, с выражением глубокой обиды на лице и яростно застучал по клавиатуре:

Ся Цинлу: Чу Ваннань, подлый предатель! Вызываю тебя на дуэль!

В ответ пришло спокойное сообщение:

Чу Ваннань: Не обижай папу Ся. Обязательно доедай весь перец.

Это было вызовом. Откровенным, наглым вызовом.

Гнев Ся Цинлу вспыхнул ещё сильнее: Тебе конец! Я расскажу твоей маме, что за два дня до экзамена ты всю ночь играл в игры!

Чу Ваннань тут же парировал: А я скажу папе Ся, что в прошлом семестре ты сэкономил на еде, чтобы купить кроссовки.

Дружба с детства означала не только полную близость, но и то, что каждый знал все компроматы другого.

Обмен ударами продолжался до тех пор, пока пальцы Ся Цинлу не начали сводить судорогой. В конце концов, не выдержав, он швырнул телефон на диван и, надувшись, направился на кухню.

Его вид рассмешил Ся Тина:

— Ладно, иди ставь тарелки — пора обедать.

По одному лишь выражению лица сына он понял: ребята снова поссорились.

Ся Цинлу увидел блюдо с перцем чили, ананасом и курицей и всем своим видом выразил крайнее неудовольствие. Медленно, нехотя взял тарелку и палочки, сел за стол, но отвращения скрыть так и не смог.

Ся Тин нарочно придвинул блюдо прямо перед ним. Лицо Ся Цинлу потемнело.

Ся Тин сделал вид, что ничего не заметил:

— Ешь.

Отец и сын сидели друг против друга. У них было семьдесят процентов одинаковых черт лица: один — живой и эмоциональный, другой — невозмутимый, хотя временами в его глазах мелькала искорка злорадного веселья.

— Мама сегодня не будет обедать дома? — Ся Цинлу нарочно обходил палочками блюдо с перцем, пытаясь отвлечь внимание отца разговором.

— Сегодня задерживается на работе. После обеда я отвезу ей еду.

Ся Тин взял чистые палочки и аккуратно отобрал любимые блюда жены в термос-контейнер. Сегодня было два куриных бедра — он без колебаний положил одно, побольше, жене, а второе — в тарелку сыну:

— Ешь бедро — растёшь.

— Я уже не маленький, — пробурчал Ся Цинлу себе под нос. Быстро переложил бедро обратно в тарелку отца и, прежде чем тот успел что-то сказать, поднял свою тарелку и будто между делом спросил: — Кстати, пап, когда я только вернулся, мне показалось, что в квартиру 702 на этаже выше въехали новые жильцы?

Ся Тин ничуть не удивился:

— Семья тёти Юань из 702 уехала почти год назад. Новые соседи — вполне нормально.

— Интересно, какие они? — Ся Цинлу ненавязчиво продолжал подталкивать разговор в нужном направлении.

— Сегодня утром, когда ходил за продуктами, встретил в подъезде хозяина новой квартиры. Очень приятный человек, кажется, легко общаться.

Ся Тин редко выходил из дома — отчасти из-за своей профессии. Обычно он покидал квартиру только чтобы купить еду или отвезти обед жене, иногда — чтобы сходить с ней на свидание. Его жизнь сосредоточена дома, поэтому соседи для него всегда имели значение. Сегодня, случайно встретив нового соседа, он внимательно его разглядел и пришёл к выводу: «легко в общении».

В Китае иметь доброжелательных соседей — большая удача.

Ся Цинлу машинально жевал еду, но в голове крутилась лишь одна мысль:

«Неужели...?»

Он быстро доел рис и бросился в свою комнату.

— Ты уже наелся? — удивился Ся Тин. — Может, ещё немного?

— Не могу больше, — бросил через плечо Ся Цинлу.

Он стремительно вернулся в комнату и поднял книгу, которую ранее швырнул в угол.

«Счастливая жизнь доминантного красавца-старшеклассника». Всего 188 страниц — по меркам «жёлтой» литературы просто фантастический объём. И название странное, и содержание — ещё страннее.

Откровенно пошлые сцены шокировали Ся Цинлу. Он серьёзно сомневался, что после удаления всех эротических эпизодов от этой книги останется хоть одна страница.

Он держал её двумя пальцами, будто это что-то грязное.

Преодолевая стыд и желание провалиться сквозь землю, он снова открыл книгу, которую после прочтения мысленно переименовал в целую серию провокационных заголовков вроде: «Путь всесильного школьного красавца к власти», «Мои шесть мужчин и бесконечные ночи страсти», «После совершеннолетия весь мир мужчин целует меня», «Завоевание мира начинается с завоевания мужчин»...

В прошлый раз он прошёл путь от шока и стыда до полного онемения и ощущения, будто небо рушится на землю. Сейчас же, хоть уши и покраснели, выражение лица оставалось довольно спокойным — он был готов морально.

Быстро пролистав первые 11 страниц, где фигурировал его собственный персонаж, он остановился на 12-й.

— Чэнь Шу, — прошептал он, указывая пальцем на это имя.

Раньше он никогда не слышал этого имени и должен был бы чувствовать что оно незнакомо. Но после прочтения книги этот человек стал ему знаком как никто другой.

Чэнь Шу — второй любовник «Чу Ваннаня». В отличие от Ся Цинлу, чей образ в книге — чистый и невинный друг детства, Чэнь Шу представлен как внезапно переехавший в их район зрелый, обаятельный, семейный мужчина, ставший соседом Чу Ваннаня.

«Неужели такое возможно?»

Ся Цинлу сжал книгу и пробормотал:

— Неужели новый сосед наверху — это и есть тот самый Чэнь Шу из книги?

Он поднял том и недоверчиво потряс им:

— Неужели всё, что здесь написано — правда?

За окном был час дня. Солнце палило нещадно, казалось, способно выжечь даже самые тёмные углы, где прячутся потерянные души. Свет заливал комнату Ся Цинлу, согревая всё вокруг, но внутри у него было ледяное ощущение.

«Нет-нет, подожди! В книге ведь также сказано, что я — беззаветно преданный “Чу Ваннаню”, потом превращаюсь в фоновую фигуру, время от времени появляюсь, чтобы напомнить читателям: “О, да, есть ещё один невинный друг детства, который страдает в ожидании Чу Ваннаня”, — и таким образом подчеркнуть его неотразимость и глубину моей “любви”...»

Ся Цинлу упорно пытался убедить себя в абсурдности происходящего.

Он сжал кулаки, похлопал себя по руке — мышцы твёрдые.

Поднял футболку — пресс на месте (ну, если подтянуть живот, конечно).

Взглянул в зеркало — чёткие скулы, резкие черты лица, подбородок как у модели.

«Да я красавчик!»

Он самодовольно кивнул.

«Где же я, с моими шестью кубиками пресса, похож на того “Ся Цинлу” из книги?!»

Он представил, как лежит в объятиях Чу Ваннаня с застенчивым выражением лица — и сразу же передёрнулся от отвращения.

Он и Чу Ваннань — чистейшие братья по духу! Ни за что на свете не случилось бы того самого первого эпизода книги — «пьяная ночь страсти».

Если бы он вдруг действительно переспал с Чу Ваннанем, первым делом он бы конфисковал «орудие преступления», а потом написал бы прощальное письмо: «Брат есть брат, а не любовник!» — и отправил бы Чу Ваннаня восвояси.

К тому же...

Ся Цинлу начал листать книгу с такой силой, что страницы зашуршали.

«Неужели этот развратный, дерзкий тип, настоящий ходячий афродизиак, — мой Чу Ваннань? Тот самый, у которого фобия чистоты, холодный разум, который равнодушно игнорирует всех девушек, признававшихся ему в любви, и давит на корню любые попытки ранних романов?»

Ладно, допустим, беспорядочная интимная жизнь — ещё куда ни шло.

Но Ся Цинлу не мог сдержать возмущения:

— Почему все эти люди — мужчины?!

Именитые и безымянные — кого бы ни захотелось «Чу Ваннаню» из книги, он тут же вступал с

ними в бурные отношения, быстро «съедал» и исчезал, не оглядываясь. Совершенно бездушный.

Сначала Ся Цинлу даже пытался считать, сколько всего людей покорил Чу Ваннань, но вскоре сдался — их было слишком много.

Всего же, кроме самого Ся Цинлу, в книге выделялось шесть ключевых персонажей.

Ся Цинлу сел по-турецки, серьёзно уставился на раскрытую книгу и уверенно заключил:

— Это какой-то несчастный зануда специально сочинил эту гадость, чтобы вывести людей из себя!

Образы персонажей полностью противоположны реальности, да и вся «любовная карма» почему-то исключительно мужская.

Приняв это решение, Ся Цинлу почувствовал, будто сбросил с плеч тяжёлый груз. Он гордо швырнул книгу обратно в угол.

— Не может быть такого совпадения! В 702 давно никого не было — новые соседи — абсолютно нормально! — сказал он себе с облегчением. — Может, его зовут Ли Шу или Ван Шу? Поверить, что Чу Ваннань превратится в секс-машину, сложнее, чем поверить, что я поступлю в Цинхуа!

Оба они учились в лучшей городской школе, в выпускном классе с усиленной подготовкой. Только если Чу Ваннань регулярно занимал первые места в рейтинге и реально претендовал на звание лучшего абитуриента провинции, то успехи Ся Цинлу были скромнее — хотя и позволяли без проблем поступить в один из университетов проекта «211».

После последнего экзамена они вместе прикинули свои баллы. Оказалось, Ся Цинлу на этот раз показал результат выше обычного — правда, всё ещё далеко до Цинхуа. Но Чу Ваннань был уверен: в сентябре они обязательно окажутся в одном университете.

В конечном счёте, недоверие Ся Цинлу к книге проистекало именно из его глубокого доверия к Чу Ваннаню.

Сомнения насчёт личности нового соседа сверху лишь мелькнули в его голове, но он тут же с оптимизмом отмахнулся от них.

Он схватил телефон и открыл групповой чат класса — тот самый, в который не заглядывал с прошлой ночи, когда напился. Перед глазами взорвалось уведомление: «999+ сообщений». Поток информации хлынул настолько мощно, что даже телефон на миг подвис.

Вчера вечером после выпускных экзаменов у них состоялась классная вечеринка. После ужина все перебрались в караоке, где до часу ночи орали во всё горло, пока наконец не разъехались по домам.

Ся Цинлу был старостой, поэтому сначала отправил всех одноклассников по домам, а затем вместе с Чу Ваннанем зашёл в супермаркет и купил огромный пакет всевозможного алкоголя. Затем они тайком вернулись в комнату, решив напиться до беспамьяства.

Вспомнив утреннюю головную боль, Ся Цинлу помотал головой.

— Алкоголь — точно не лучшая штука. В следующий раз лучше не пить, — снова вздохнул он.

Сообщений в чате было так много, что, пролистав пару экранов, он уже потерял терпение. Просто вышел из чата и открыл закреплённый диалог с Чу Ваннанем в WeChat, начав быстро стучать по клавиатуре: Голова болит? Если да — сварю тебе рассол!

За это время Ся Цинлу уже великодушно забыл об обиде, которую вызвало у него блюдо с перцем чили за обедом.

Чу Ваннань почти сразу ответил — прислал фотографию: крупная, с чётко очерченными суставами рука держит пакет с мусором.

Никаких слов — но смысл был предельно ясен.

Ся Цинлу почувствовал себя виноватым: Ты ещё не убрал весь мусор, что ли...

И прикрепил стикер: жёлтый человечек, лежащий на спине с безжизненным взглядом.

Чу Ваннань ответил: Благодаря кому-то.

Ладно, учитывая манию Чу Ваннаня к чистоте, если бы Ся Цинлу вчера не утащил его спать, тот, даже будучи пьяным до того, что еле стоял на ногах, всё равно попытался бы встать и доделать уборку. А он сам просто сбежал — действительно, непорядочно получилось.

Иногда Ся Цинлу и сам не понимал, как ему, ленивому от природы человеку, удалось подружиться с Чу Ваннанем.

Среди сверстников он не был грязнулей.

Носки стирал вовремя — не позволял им гнить в тазу.

Одежда менялась ежедневно, в солнечные дни подушку и одеяло регулярно выносил на балкон проветрить.

Следил за гигиеной: каждое утро лицо чистое и свежее — в отличие от одноклассника за партой, у которого до сих пор в уголках глаз торчали корочки после сна.

Если не обращать внимания на застеленную, как собачье логово, кровать, шкаф, из которого при открытии вываливались вещи, и разбросанные повсюду тапочки, то в глазах окружающих Ся Цинлу оставался таким же, как и его лицо — аккуратным и опрятным.

Всё это — заслуга воспитания и многолетнего влияния Чу Ваннаня.

Но по сравнению с Чу Ваннанем его старания меркли. Тот держал свою комнату в безупречном порядке — каждый раз, глядя на это, Ся Цинлу чувствовал себя ничтожеством и тут же с вредностью катался по его кровати, превращая идеально застеленное одеяло в помятый хаос.

Чу Ваннань аккуратно распределил мусор по соответствующим контейнерам у подъезда. Заметив, что Ся Цинлу всё ещё не отвечает, он подумал: наверное, тот чувствует вину или стыд.

— С детства такой трус, — покачал головой Чу Ваннань с улыбкой.

Тот же самый Ся Цинлу тайком сбежал, не убрав мусор, а теперь мучается угрызениями

совести.

На самом деле Чу Ваннаню было совершенно всё равно, помогал ли ему Ся Цинлу с уборкой. Он и не рассчитывал на его послушание — будь Ся Цинлу вдруг вежлив и исполнительен, Чу Ваннань бы заподозрил, что сегодня солнце взошло на западе.

Раз собеседник молчит, Чу Ваннань решил вытащить его из панциря: Мамы дома нет. Что будешь есть сегодня вечером?

Смышлёный Ся Цинлу сразу ухватился за возможность: Приходи ко мне ужинать! Сам приготовлю!

Дома у Чу Ваннаня никого не было. Ся Тин, отвезя жене обед, вечером не вернётся — они с супругой проведут время вдвоём. Значит, и у Ся Цинлу дома будет пусто.

В такие моменты ребята обычно собирались вместе поужинать.

Чу Ваннань ответил: Хорошо. Открывай дверь.

<http://bllate.org/book/17132/1600331>